

Л. И. Бабенко

Периферийные персонажи пекторали из Толстой Могилы

Одним из наиболее выдающихся шедевров греко-скифской торевтики является золотая пектораль из Толстой Могилы. Решению проблем семантики представленных здесь образов и сюжетов исследователи уделяли пристальное внимание, которое было распределено крайне неравномерно. Большое разнообразие мнений высказано по поводу толкования смысла центральной сцены и участвующих в ней персонажей [1, с. 111–113], а также образов и сюжетов верхнего и нижнего фризов. Гораздо меньше внимания было уделено среднему, «растительному», фризу, еще меньше — персонажам на периферии композиционного пространства пекторали. К последним относятся две пары кузнечиков, замыкающих по обе стороны нижний фриз (рис. 1: 1, 2), а также птицы по краям верхнего фриза (рис. 3: 1, 7).

Еще Б. Н. Мозолевским, получившим консультацию сотрудника Института зоологии АН Украины В. М. Ермоленко, была отмечена разнополюсность каждой пары насекомых, их несоразмерность с фигурками других персонажей, а также использование при их изготовлении иной техники — не скульптуры, а рельефа [2, с. 83].

По мнению Д. С. Раевского, разнополюсность кузнечиков подтверждает связь образов нижнего пояса с идеей порождающих функций природы, что полностью согласуется с трактовкой кузнечика в античной культуре, как существа, связанного с землей и ее богинями, т. е. с тем же поглощающим и порождающим началом. В то же время состав персонажей нижнего фриза (за исключением трех центральных групп) — от льва и тигра до крылатых насекомых — соответствует иерархическому ряду населяющих Землю существ в древнеиндийских источниках («Чхандогья упанишада», VI, 9, 3, и VI, 10, 2), что могло отражать «стремление мастера и заказчика выразить идею всеобъемлющего характера процесса умирания во имя возрождения, подвластности ему всех земных существ» [3, с. 192, 193].

В. Ю. Михайлин безмятежность и отсутствие динамизма, присущее паре кузнечиков, равных «по «породе» и статусу», рассматривал в контексте нарастания «агональности» сцен нижнего фриза от края к центру. Параллельно с нарастанием агональности, от края к центру нижнего фриза происходит нарастание семантики возраста и воинского статуса, переданных посредством различных жертвоприношений. В этом контексте исследователь предложил трактовать кузнечиков — добычу, доступную маленькому ребенку — как маркер «детского» статуса, предшествующего отроческой стадии. Также готовность неподвижных кузнечиков к мгновенному и дальнему прыжку могла олицетворять агональную и быстротечную воинскую судьбу. Семантика кузнечика, возможно, связана и с традициями аттической культуры, где этот персонаж воспринимался как символ автохтонности — «земля родит траву, трава родит кузнечиков». Также семантически значимой могла быть связь кузнечиков с «жертвенной» травой [4, с. 170].

© Л. И. Бабенко, 2016

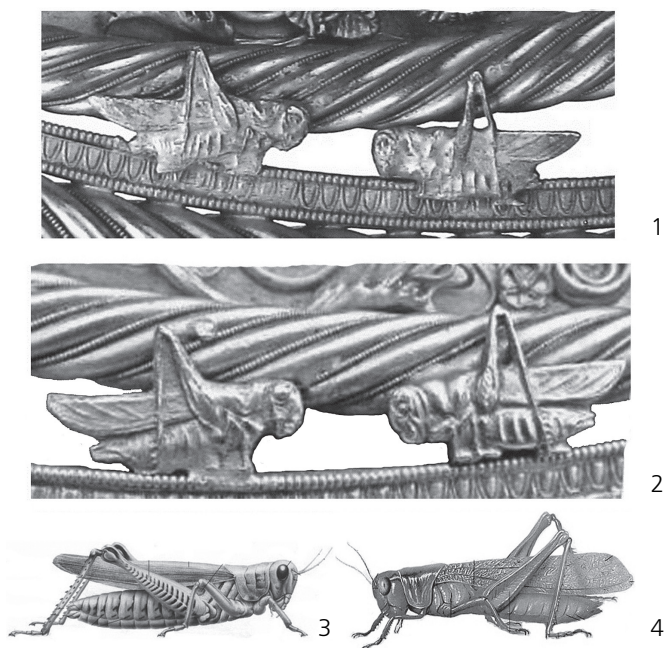

Рис. 1. Фрагменты пекторали с фигурками кузнечиков и их природные прототипы:
 1, 2 – фрагменты пекторали [2, рис.64, 65]; 3 – представитель семейства настоящие саранчовые (*Acrididae*); 4 – представитель семейства настоящие кузнечики (*Tettigoniodea*)

Fig. 1. Fragments of pectoral with figures of grasshoppers and their nature prototypes:
 1, 2 – pectoral fragments [2, fig.64, 65]; 3 – the representative of family *Acrididae*; 4 – the representative of family *Tettigoniidae*

Ю. Б. Полидович интерпретирует направление композиции нижнего фриза от центральных сцен к периферии как отступление смерти (терзание-нападение-погоня) и уменьшение напряжения. В этом контексте «брачные пары самца и самки кузнечиков» символизируют «тему жизни», заместившую «тему смерти», а их размещение на нижнем, а не верхнем, фризе следует объяснять принадлежностью кузнечиков к существам нижнего (внешнего) мира [5, с. 83].

Ф. Р. Балонов обратил внимание на то, что в древнегреческом языке слова «кузнечик» и «жрец», «пророк» являлись омонимами — древнегреч. *μάτις*. Это, по мнению исследователя, позволяет объяснить находки изделий с изображением кузнечика (помимо пекторали из Толстой Могилы упомянуты перстень из Большой Близницы с вырезанным на нем миксаморфным персонажем с нижней частью в виде туловища кузнечика и подвеска в виде личинки кузнечика из 4-го Семибратного кургана) в комплексах, которые связаны со жреческими захоронениями [6, с. 16]¹.

Необходимо также отметить отсутствие среди исследователей полного единодушия в определении вида насекомых. Так, по мнению известного британского археолога и искусствоведа Дж. Бордмана на пекторали из Толстой Могилы изображена саранча (англ. *Locust*) [7, р. 210]. Кузнечики (рис. 1: 4) по внешнему виду действительно очень похожи на саранчу (рис. 1: 3) и лишь специалисту-энтомологу уловимы едва заметные различия между двумя видами этих насекомых. По моей просьбе известным специалистом по прямокрылым насекомым, доктором биологических наук, профессором

¹ В этом контексте примечательно распространение изображений кузнечиков на золотых пластинах женских парадных головных уборов, традиционно являющихся атрибутом жреческих погребений.

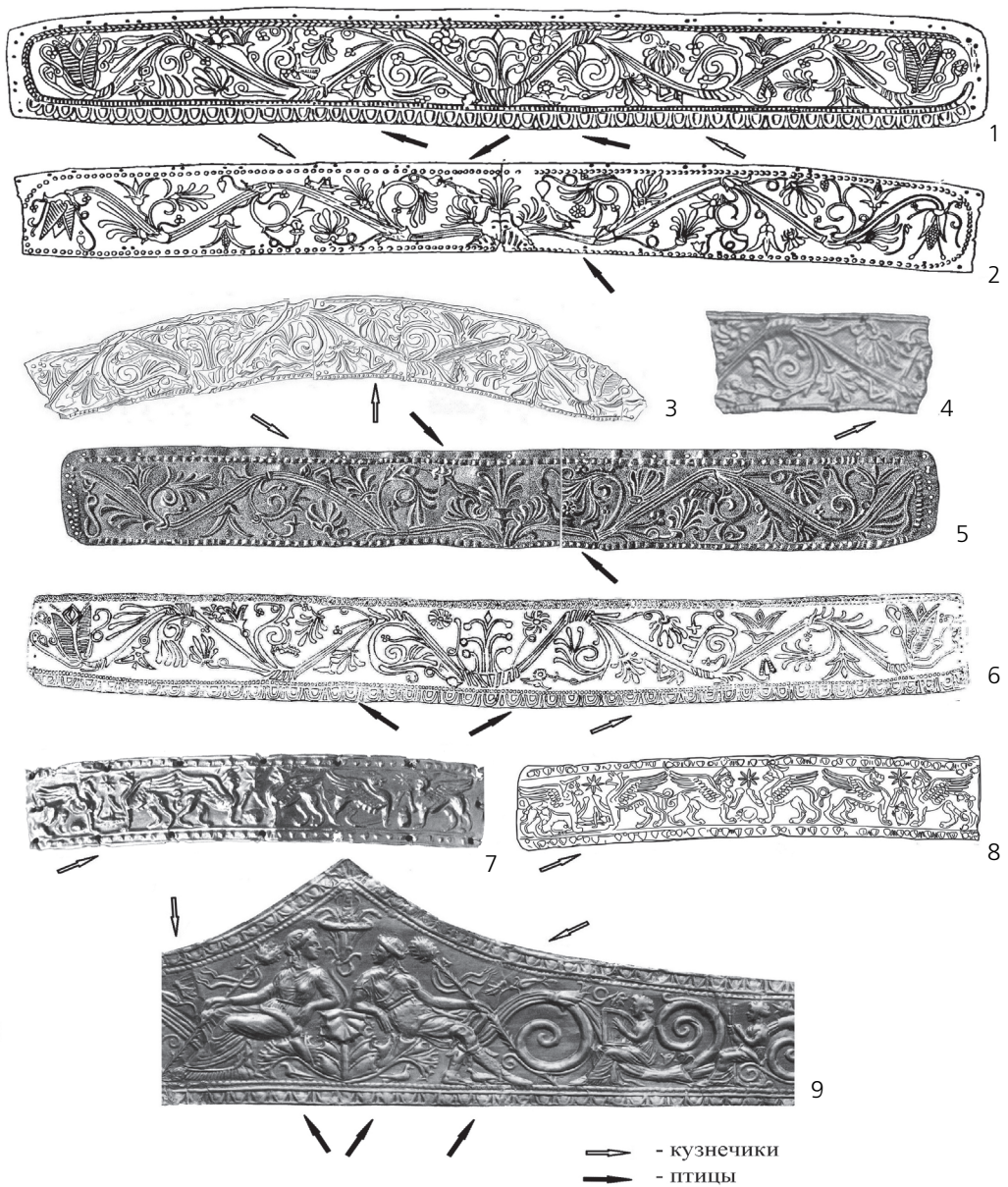

Рис. 2. Золотые пластины головных уборов:

1–3 – Чертомлык [8, табл. XXXVI: 5, 8; XL: 23]; 4 – курган № 8 группы «Пять братьев» Елизаветовского могильника [14, фото 1]; 5 – Толстая Могила [2, рис. 110]; 6 – курган № 8 Песочинского могильника [16, рис. 15: 1]; 7 – курган № 22 у совхоза Красный Перекоп [18, Abb. 126]; 8 – курган № 6 у с. Водославка [13, рис. 1: 3]; 9 – диадема из Мадитоса [17, fig. on p. 109] (без соблюдения масштаба)

Fig. 2. Golden plates of headwear:

1–3 – Chertomlyk [8, tabl. XXXVI: 5, 8; XL: 23]; 4 – barrow № 8 of the group «Five Brothers» of the Elizavetovskiy sepulchre [14, foto 1]; 5 – Tolstaja Mogila [2, fig. 110]; 6 – barrow № 8 of the Pischinsky sepulchre [16, fig. 15: 1]; 7 – barrow № 22 near the farm Krasny Perekop [18, fig. 126]; 8 – barrow № 6 near Vodoslavka [13, fig. 1: 3]; 9 – diadem of Madytos [17, fig. on p. 109] (not to scale)

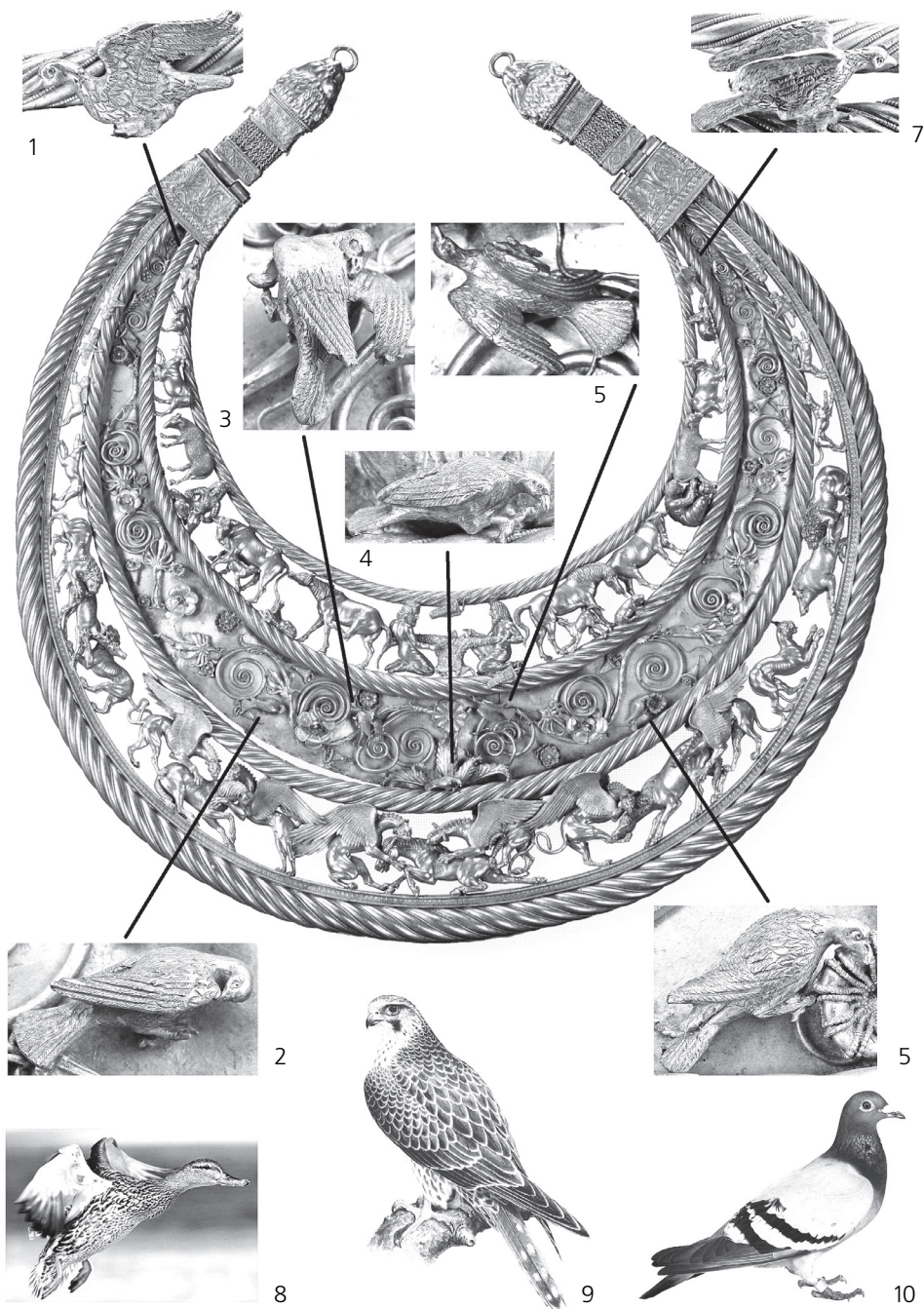

Рис. 3. Пектораль и ее фрагменты с фигурками птиц и их природные прототипы:
 1–7– фигурки птиц [2, 57, 67: а–д, 77: а, б]; 8– представитель семейства утиных (*Anatidae*); 9– представитель семейства соколиных (*Falconidae*); 10 –представитель семейства голубиных (*Columbidae*)

Fig. 3. Pectoral and its fragments with figures of birds and their nature prototypes:
 1–7– the figures of birds [2, 57, 67: а–д, 77: а, б]; 8– the representative of family *Anatidae*; 9– the representative of family *Falconidae*; 10 – the representative of family *Columbidae*

Новосибирского государственного университета М. Г. Сергеевым была проведена повторная атрибуция насекомых, расположенных по краям нижнего фриза пекторали. Ниже приводится выдержка из заключения М. Г. Сергеева¹.

«...С полной уверенностью сказать сложно — все-таки изображения несколько генерализованы... Поэтому и для специалиста не все просто. Но в целом я склоняюсь к тому, что это именно кузнечики, причем самец и самка. Почему кузнечики — по габитусу — удлиненные и достаточно изящные задние конечности с бедрами, несколько пережатými в центральной части, лапки конечностей выглядят удлиненными, голова, скорее, голова кузнечика..., да и крылья как-то больше похожи. Но перечисленные черты в какой-то степени субъективны. Классических признаков — длинные усики, длинный яйцеклад у самки — не видно. Но усики вообще не показаны, а вот что касается яйцеклада, то мне кажется, что у одной из особей в паре видно его основание, то есть такое впечатление, что яйцеклад был обломан рядом с основанием, поэтому основание сохранилось и отображено довольно точно. У второй особи в паре такого явно нет, зато видны длинные церки. То есть, это означает, что особь «с обломанным яйцекладом» — самка, а с заметными церками — «самец».

Таким образом, принадлежность насекомых на пекторали к семейству кузнечиковых получила еще одно подтверждение.

В приведенных выше попытках исследователей найти приемлемое объяснение резкому диссонансу между завершающими композицию нижнего фриза пекторали двумя парами кузнечиков и остальными его персонажами и сюжетами, стержневой идеей которых является тема смерти, осталась без внимания одна серия изделий. Обращение к ней позволяет более полно приблизиться к пониманию места и значения данных персонажей в композиции пекторали.

Речь идет о золотых пластинах и метопидах, являющихся украшением женских головных уборов, которые содержат изображение кузнечика. Почти во всех случаях кузнечики входят в состав схожих между собой растительных композиций с центральной пальметтой, от которой выются побеги аканфа, пальметты, цветки лотоса и арицеи. Подобные пластины происходят из Чертомлыка (4 экз.) (рис. 2: 1–3) [8, табл. XXXVI: 5, 8; XL: 23]², Толстой Могилы (рис. 2: 5) [2, с. 127–129,

¹ Выражаю искреннюю признательность М. Г. Сергееву за консультацию.

² Подсчет количества золотых пластин с изображением кузнечика из парадных головных уборах Чертомлыка на основе опубликованных данных [9, с. 180, табл.; 10, с. 34–37; 11, с. 52, 53, табл. 3; 4; 12, кат. 113, 122, 128, 136] весьма затруднителен. По данным О. В. Лифантий пластин с изображением кузнечика было 9 [13, с. 74, 75, табл. 1; 2], что представляется явно завышенным числом. Так, самым репрезентативным по данным О. В. Лифантий был убор II (по Т. В. Мирошиной), кат. 122, насчитывающий 4 пластины с кузнечиками. Но приведенные параметры пластин (длина 10, 2; 10, 5; 2 × 5 см) не дают оснований утверждать, что каждый из фрагментов содержал изображение кузнечика. К тому же данные из статьи Т. В. Мирошиной приведены не совсем точно (вместо двух пластин по 5 см там наличествуют две по 15 см), а сам убор II (по Т. В. Мирошиной) соответствует не кат. 122, а кат. 136 и составлен он из пластин только с зооморфным орнаментом [11, табл. 3, 4]. Для уточнения этой информации я обратился к заведующему отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа А. Ю. Алексею и получил необходимые данные, которые привожу ниже (выражаю искреннюю признательность А. Ю. Алексею за помощь). Головной убор I (кат. 113) — верхний ярус убора представлен пластиной (изображение одного кузнечика) из двух частей общей длиной 36 см (рис. 2: 2), дополненной по обе стороны двумя короткими фрагментами (5,9 и 7 см), вырезанных из правой части пластины такого же штампа, но не содержавших изображений насекомых. Можно с большой вероятностью предполагать, что изначально эти фрагменты являлись частью аналогичной пластины, содержавшей в своей полной изобразительной версии такой же набор насекомых. Однако едва ли корректно гипотетически учитывать их при общем подсчете насекомых на чертомлыцких пластинах, так как совершенно

рис. 110)¹, кургана № 8 группы «Пять братьев» Елизаветовского курганного могильника (рис. 2: 4) (3 экз.) [14, с. 77, рис. 1: 1; фото 1]², погребения 1 кургана № 8 Песочинского могильника (рис. 2: 6) [16, с. 122, рис. 15: 1; фото 12]. Также кузнечиков на растительных побегах можно увидеть на диадеме из Мадитоса (рис. 2: 9) [17, cat. 62, fig. on p. 109]. Исключение составляют золотые пластины парадных головных уборов из кургана № 22 у совхоза Красный Перекоп (4 экз.) (рис. 2: 7) [18, Abb. 126] и кургана № 6 у с. Водославка (рис. 2: 8) [13, рис. 1: 3], на которых изображение кузнечика находится под восьмилучевой звездой между фигурами грифоно-быка и грифона. Таким образом, на известных изделиях торевтики по меньшей мере в десяти случаях кузнечик помещен в сюжет растительной композиции, что свидетельствует о несомненной связи этих двух изобразительных образов. Это позволяет предполагать наличие подобной связи между кузнечиками и средним фризом пекторали, композиционный сюжет которого близок указанным пластинам головных уборов.

Следовательно, понимание значения и функций периферийных персонажей нижнего фриза неразрывно связано с семантикой среднего фриза. О растительном побеге среднего фриза пекторали как воплощении мирового дерева говорили многие исследователи. Д. А. Мачинский растительный мотив на пекторали рассматривал как

неизвестно, где, когда и по каким причинам состоялась обрезка данной пластины. Головной убор II (кат. 136) — пластины с изображением кузнечиков отсутствуют. Головной убор III (кат. 128) — метопада длиной 36 см (рис. 2: 1, изображение одного кузнечика). Головной убор IV (кат. 122) — верхний ярус убора представлен двумя пластинами (длиной 24,5 и 24,7 см), по штампу аналогичных метопадам головного убора кат. 128, но без орнаментальной полоски из полуов и обрезанных примерно на треть — одна с левой, вторая с правой стороны (рис. 2: 3). На каждой из этих пластин присутствует по одному кузнечику. Таким образом, изображение кузнечика наличествует всего на четырех золотых пластинах парадных головных уборов из кургана Чертомлык.

¹ По определению аспиранта Института зоологии С. В. Корнеева, на которое ссылается в своей работе О. В. Лифантий, на метопаде из Толстой Могиле изображен «коник з родини саранових (Acrididae)», т. е. кузнечик из семейства саранчовых [13, с. 72]. Однако по данным современной научной классификации кузнечики и саранча объединяются только в рамках таксона отряда прямокрылых. Далее их ветки расходятся. Кузнечики принадлежат к подотряду длинноусых прямокрылых, надсемейству кузнечиковых, представленным в настоящее время единственным одноименным семейством кузнечиковые (Tettigonioidea). А саранчовые относятся к подотряду короткоусых прямокрылых, надсемейству саранчовые, образующих несколько семейств, среди которых есть и семейство настоящие саранчовые (Acrididae). Потому классификационное определение «кузнечик из семейства саранчовых (Acrididae)» представляется некорректным.

² Орнамент верхней полосы убора аналогичен чертомлыцким пластинам кат. 122 и метопадам — кат. 128 и песочинской. Полоса состояла из 6 фрагментов общей длиной 51,4 см. Т. е., для достижения искомой длины, как и в чертомлыцких уборах, необходимо было использовать как минимум вторую пластину. На фотографии из публикации Т. А. Скрипник [14, рис. 1: 1] выложен ряд этих пластин из пяти фрагментов, из которых два (третий и четвертый) содержат изображения кузнечика. Отсутствующий на этой иллюстрации шестой фрагмент полосы частично виден на всех фотографиях реконструкции убора, где он расположен справа от центрального фрагмента [15, р. 116, cat. 81]. Сопоставив наличествующий на нем орнамент с изобразительным полем пластин этого типа и зная его длину — 9,5 см [11, с. 48, табл. 1], легко вычислить, что и этот фрагмент содержит изображение кузнечика. Таким образом, для составления полосы верхнего ряда парадного головного убора из кургана № 8 группы Пять братьев Елизаветовского могильника были использованы фрагменты, вырезанные из трех полос, причем ни одна полоса не была использована полностью. При этом фрагменты с кузнечиками попали в этот ряд со всех трех полос.

конкретное изображение мирового дерева, которое ассоциировалось с образом женского божества, представленного «небесно-растительно-животно-вещными символами (полумесяц, розетка, древо, голубь, баранья шкура, игла, лук)» [19, с. 144, 145]¹.

Д. С. Раевский, трактовавший пектораль как изобразительную космограмму, рассматривал растительный побег, заполняющий средний регистр пекторали как непосредственное воплощение подобной космологической схемы в образе мирового дерева. Подтверждением данной трактовки, по мнению исследователя, является место растительного побега в структуре всей композиции, где он «служит главным организующим элементом, связующим верхний и нижний фризы (resp. верхний и нижний миры), что соответствует функции мирового дерева». А также наличие на ветвях побегов фигурок птиц — традиционного мотива, связанного в индоиранском мире с мировым деревом [3, с. 200].

И. Гебауэр попытался проследить греческие и переднеазиатские корни мотива растительных побегов среднего фриза пекторали. Он предостерег от односторонней трактовки этого мотива в контексте его связи с погребальными и хтоническими сферами и отметил многослойность его значений. С позиции греческой культуры здесь можно распознать проявление божественной силы или производный отсюда знак царского достоинства, а также символ божественной защиты. Являясь кодом всей совокупности жизни, растительные побеги были призваны подтвердить легитимность правителя-носителя пекторали. Древневосточные мотивы «дерева жизни» и «божественного плодородия» также тесно связаны с культом правителя, являющегося посредником между богами и людьми, которому божеством был передан дар господствовать над природой. Владелец пекторали, объединяясь с ее мотивами, в том числе растительными побегами, получал магическое усиление собственных функций [20, S. 147–160].

Трактовка среднего, растительного, фриза пекторали как своеобразной буферной зоны, через которую единственно возможен переход между зонами смерти и жизни, ибо «прежде чем обрести свое новое состояние, жертва должна «стать травой», «умереть и взойти»», обоснована В. Ю. Михайлиным. По мнению исследователя, растительный фриз воплощает непереносимость жертвы перехода при пересечении границы между двумя смысловыми зонами, связанными с основными модусами существования скифского вождя — маргинально-воинским (нижний фриз) и брачно-хозяйственно-родовым (верхний фриз) [4, с. 34, 35, 117, 174].

Возвращаясь к семантике образа кузнечиков, можно предположить, что устойчивое его сочетание с растительными сюжетами является, определенным образом, и отражением их семантической близости. Поэтому, вероятно, не стоит, истолковывая смысл двух пар кузнечиков, обязательно согласовать их с доминирующим сюжетом нижнего фриза. Не исключено, что они, являясь персонажами, связанными со средним фризом, исполняли функции своеобразного медиатора, призванного обеспечить связь между различными зонами пекторали.

Пониманию значения и функций кузнечиков в композиции пекторали способствует и уточнение семантики другой пары периферийных персонажей — птичек, расположенных на концах верхнего фриза и также не вписывающихся в контекст его стержневых идей — жизни, рождения, кормления молоком и т. д. Показательно, что, несмотря на «реалистичность стиля» скульптурок, среди исследователей отсутствует единодушие в видовом определении птиц, изображенных на пекторали, а также их семантики. В. П. Даниленко считал их «волшебными птицами» [21, с. 88–89]. А. П. Мачинский видел в них один из видов *диких голубей* и трактовал как один из животных символов Астарты-Афродиты [19, с. 145].

¹ Еще А. П. Мачинский [19, с. 145] композицию среднего фриза пекторали связывал с образом женского божества. В этом случае показательно отмеченное выше сходство растительных орнаментов среднего фриза и серии метопид, являющихся элементом именно **женских** головных уборов.

Б. Н. Мозолевский, основываясь на определении орнитологов, птиц со среднего фриза считал одной из разновидностей *соколиных*, птиц же верхнего фриза относил к различным видам: левую — также к *соколиным*, правую — к *диким уткам* [2, с. 86, 89].

Д. С. Раевский первоначально видел в птицах верхнего фриза уток, хотя и с определенными оговорками [22, с. 119, 131]. Однако в следующей работе исследователь принял определения орнитологов, приведенные Б. Н. Мозолевским и рассматривал птиц верхнего фриза как *утку* и «какого-то *пернатого хищника*» [3, с. 188, 198], семантику которых объяснял в контексте одной из пар оппозиций, прослеженных между правой и левой стороной пекторали. При этом, утка, как водоплавающая птица, сопоставлялась с миром людей, хищная — с потусторонним миром, что находило соответствие в индоиранской традиции [3, с. 198, 199].

Пять птиц среднего фриза были трактованы в контексте концепции мирового дерева и пятичленной модели горизонтальной структуры мира — центра и четырех сторон мира. Сюжетное различие птиц среднего фриза («одни... клюют... ветви, другие — нет») было сопоставлено с двумя этапами «пребывания на «дереве всех семян» птицы Сэнмурва в иранской традиции», выражающими «идею циклической смены гибели и возрождения», являющуюся «смысловой доминантой пекторали с ее двумя противопоставленными фризами» [3, с. 200, 232, 233].

Н. А. Гаврилюк вместе с соавторами-орнитологами считала, что пектораль украшена натуралистическими изображениями голубей [23, с. 57, рис. 2: 6–10, 12, 13; 24, с. 260, рис. 1: 14–18]¹.

Трактовке значения птиц на пекторали уделил внимание В. Ю. Михайлин. Исследователь нашел противоречивым буквальное истолкование Д. С. Раевским семантики птиц в контексте «топографического кода», так как их расположение на пекторали (а также других образительных памятниках) не вписывается в «стандарты» концепции мирового дерева². Для понимания семантики этого образа в композиции пекторали решающее значение было отведено «магистической связи хищных птиц и представлений о счастье» (хищная птица — один из стандартных образов фарна). А также связь хищных птиц с Сомой — напитком, «параллельным по ряду параметров фарну», для очищения которого использовался фильтр из овечьей шерсти [4, с. 132–139]. Крайние персонажи верхнего фриза — утка и сокол — представляют, по мнению исследователя, традиционное кодовое сочетание «дичи» и «хищника». Они устойчиво связаны со свадебными (сексуальными, прокреативными) ритуалами и способствуют более полному пониманию смысла центральной сцены. Последняя истолкована автором как кульминация жертвенного ритуала в виде совместного шитья рубахи из бараньего руна, призванного обеспечить переход родового фарна умершего старшего

¹ Недоразумением выглядит утверждение о том, что «на пекторали из Толстой Могилы, возможно, изображена самка *тетерева*» [23, с. 60, рис. 1: 5; 24, с. 264]. Рисунок, который приводят исследователи, не имеет отношения ни к пекторали, ни к вещевому комплексу из Толстой Могилы. Еще в одной работе данное изображение птицы было также ошибочно связано с курганом Карагодеуашх [25, с. 101, рис. 21: 10]. На самом деле указанная птица выгравирована на щитке золотого перстня из Чертомлыка и, по единодушному мнению исследователей, интерпретирована как «взлетающая утка» [26, с. 47, рис. 98; 27, с. 105; 28, с. 7, кат. 37; 29, с. 62, табл. 52: 4; 12, с. 174, кат. 97; 30, с. 202]. Возможно, как самка *тетерева* была определена самая нижняя птица среднего фриза (сравни приведенную ниже атрибуцию этой птицы С. Н. Кривопустовым).

² Хотя в некоторых случаях подобная критика связана с невнимательным прочтением текста монографии. Это относится к упреку саратовского исследователя Д. С. Раевскому о невнимании последнего к числовой символике пяти птиц среднего фриза пекторали [4, с. 35, 36]. На самом деле, трактовка В. Ю. Михайлина практически идентична предложенной ранее Д. С. Раевским [3, с. 231, прим. 8].

скифа (тестя/маркер утка), под покровительство младшего скифа (зятя/маркер сокол), тем самым сохранив и преумножив фарн обоих родов [4, с. 172–174].

Таким образом, не сложно заметить, что в основе немногочисленных семантических трактовок образа птиц в композиции пекторали лежит их видовая атрибуция, не отличающаяся единообразием мнений. Следовательно, вопрос определения вида изображенных на пекторали птиц приобретает принципиальное значение — ведь если большая часть птиц является голубями, трактовки в контексте семантики хищной птицы теряют смысл. Верно и обратное — хищные птицы не могут являться «символом Астарты-Афродиты». Для уточнения видовой принадлежности птиц на пекторали я обратился за консультацией к двум харьковским орнитологам — В. А. Бондаренко и С. Н. Кривоустову¹. Наиболее ясной представляется определение вида птицы на правом краю (со стороны носителя) верхнего фриза пекторали (рис. 3: 1). Это утка (рис. 3: 8), причем, как считает С. Н. Кривоустов, чирок, возможно, даже селезень, хотя более уверенную половую атрибуцию можно получить при анализе окраса оперения. Атрибуция оставшихся шести птиц не столь однозначна. В. А. Бондаренко в нескольких фигурках видит представителей семейства соколиных (рис. 3: 2, 4, 6), еще несколько более близки голубиным (рис. 3: 3, 5, 7), но их морфология эклектична и сочетает в себе черты представителей обоих семейств. По мнению С. Н. Кривоустова большая часть птиц (рис. 3: 2, 3, 5–7) относится именно к семейству голубиных (рис. 3: 10), но в ряде случаев фигурки морфологически не чисты и в большей или меньшей степени содержат черты (форма головы, крыла, хвоста, клюва) представителей семейства соколиных (рис. 3: 9), т. е., их морфология также эклектична. Еще одна птичка близка представителю подсемейства куропатковых или фазановых отряда куриных (рис. 3: 4).

Таким образом, произведенная атрибуция авифауны пекторали полностью повторяет нечеткость предыдущих определений орнитологов². Вероятно, следует принять данную неясность морфологии птиц как объективный факт и попытаться дать ей объяснение. Очевидно, что художественный уровень изготовления птичек заметно уступает персонажам верхнего и нижнего фризов. Фигурки птичек более грубоваты, менее динамичны и детализированы, на некоторых птичках не до конца проработано оперение. Совсем небрежно оформлены ноги всех без исключения птиц. Подобная картина может объясняться тем, что в композиции пекторали птицы несли вспомогательную функцию, теряясь на фоне растительных побегов и сплошной пластины среднего фриза. Пектораль является произведением, несомненно, гениального мастера, который часть второстепенной работы мог переложить на помощников и учеников, не столь искусных и в ювелирном мастерстве, и в знании тонкостей морфологии авифауны. Все это и привело к некоторой эклектике в морфологии изготовленных птичек. Косвенные данные об изначальном замысле можно получить, обратившись к другому известному шедевру греко-скифской торевтики — чертомлыкской амфоре, которую по стилистике, композиции, структуре, художественному уровню чаще всего сравнивают с пекторалью, нередко считая оба предмета изделиями одной мастерской и, даже, одного мастера. На тулове амфоры, среди растительных побегов, с фотографической точностью изображены именно голуби (большой частью). Однако если мы примем данное определение и для пекторали, то приведенные выше семантические трактовки в контексте пары хищник/сокол-утка (тем более селезень!) теряют свою подоснову.

Сравнивая периферийные персонажи нижнего и верхнего фризов, несложно заметить, что птичек, как представителей фауны, отличает большая репрезентативность в композиции пекторали. Они наличествуют не только на концах верхнего фриза, но на среднем, растительном, фризе. Однако вопрос о возможной связи птиц верхнего

¹ Выражаю признательность В. А. Бондаренко и С. Н. Кривоустову за консультации.

² Сравни [2, с. 86, 89] и [23; 24].

и нижнего фризов исследователями не рассматривался. Для семантики каждой из этих групп предлагалось обособленное толкование — для птиц среднего фриза в контексте концепции мирового дерева и пятичленной модели горизонтальной структуры мира [3, с. 200, 232, 233; 4, с. 35, 36]. При толковании семантики птиц верхнего фриза решающее значение отводилось их видовому противопоставлению (хищник-жертва), которое объяснялось в контексте предложенных космологических реконструкций композиции [3, с.198, 199], либо в качестве кода свадебного ритуала, связанного со смыслом центральной сцены и композиции в целом [4, с. 172–174]. Между тем, достаточно явственная связь персонажей нижнего фриза — кузнечиков — с композицией растительного фриза дает основания ставить вопрос о возможности такой же связи со средним фризом и двух птиц верхнего фриза. Последние, как и кузнечики, несмотря на довольно удачные попытки объяснения их семантики, все же заметно диссонируют с его стречневой идеей — рождением. В то же время связь птиц с растительными композициями, и, соответственно, с идеями мирового дерева, выражена и в мифологии, и на изобразительных памятниках, более зримо, нежели у кузнечиков. Именно пара птиц у мирового дерева является распространенной мифологемой [31, с. 70, 71; 3, с. 200, 232, 233; 32], получившая широкое отражение в сюжетах греко-скифской торевики. Наиболее ярким примером является нижний фриз чертомлыкской серебряной амфоры, на растительных побегах которого изображены четыре пары птиц [12, кат. 91/1, 13–17, рис. 82: а–в; 30, с.195, 200, 201]. Достаточно репрезентативно этот сюжет отражен на многочисленных золотых пластинах головных уборов. Пара птиц наличествует как на уже упомянутых пластинах с изображением кузнечика (рис. 2: 1–6), так и на многих других пластинах с растительным орнаментом (возможные варианты — две пары птиц, четыре птицы, не образующие явные пары, рис. 4: 1–6) [33, табл. II: 3; 8, табл. XXXVI: 6, 7; 34, рис. 2: 1; 16, рис. 16: 1, 2]. Наконец, и сам растительный фриз пекторали содержит пять скульптурных фигурок птичек. Косвенным образом о связи птичек обоих фризов может свидетельствовать и анализ числовых структур пекторали. Соединение птичек обоих фризов в одну группу образует число семь, которое легко прослеживается и в композиции самой пекторали — а именно, в семи сценах смерти нижнего фриза, семи рождениях (считая и центральную сцену) верхнего фриза, а также в семичастной структуре самой пекторали, состоящей из четырех витых жгутов и трех орнаментальных фризов между ними [1, с. 114; 35, с. 541, 452].

Таким образом, как и кузнечики, птицы на концах верхнего фриза могли исполнять функцию своеобразного медиатора и обеспечивали связь между мирами в космологической модели мира. Подобные функции птиц особенно явно выступают на скифских наверхиях. Древки с подобными наверхиями являлись у скифов моделями мировых деревьев и обеспечивали связь между мирами [36]. Среди персонажей, венчающих наверхия из памятников IV в. до н. э., птицы составляют репрезентативную группу [37, с. 150; 38, с. 260, 261]¹, причем номенклатура их видов — хищные/соколиные, утки, голуби (хотя эти определения и достаточно условны) — полностью совпадает с представителями авифауны на пекторали.

Причины, побудившие мастера разместить по краям нижнего и верхнего фризов персонажи, далекие от продуцируемых доминирующих идей, могли быть обусловлены и конструктивными особенностями пекторали. Поле обоих основных фризов — широких посередине и предельно сужающихся к концам — заполнялось фигурками

¹ Обнаружены в следующих памятниках (рис. 5: 1–14): по 1 экз. — Каменская Близница [39, рис. 6: 1] и Бабина Могила [40, рис. 47: 1]; по 2 экз. — Чертомлык [12, кат. 28], Краснокутский курган [8, табл. XXIV: 3–5], Гайманова Могила [38, рис. 384, 385], Одесский археологический музей [41, рис. 4: 3]; 1 + 2 экз. — Александрополь [42, табл. II: 6–8; 43, fig. 288]; 4 экз. — Малая Лепетиха [44, рис. 30]; случайные находки, по 1 экз. — Лысая гора и с. Марьянское [45, рис. 1, 6].

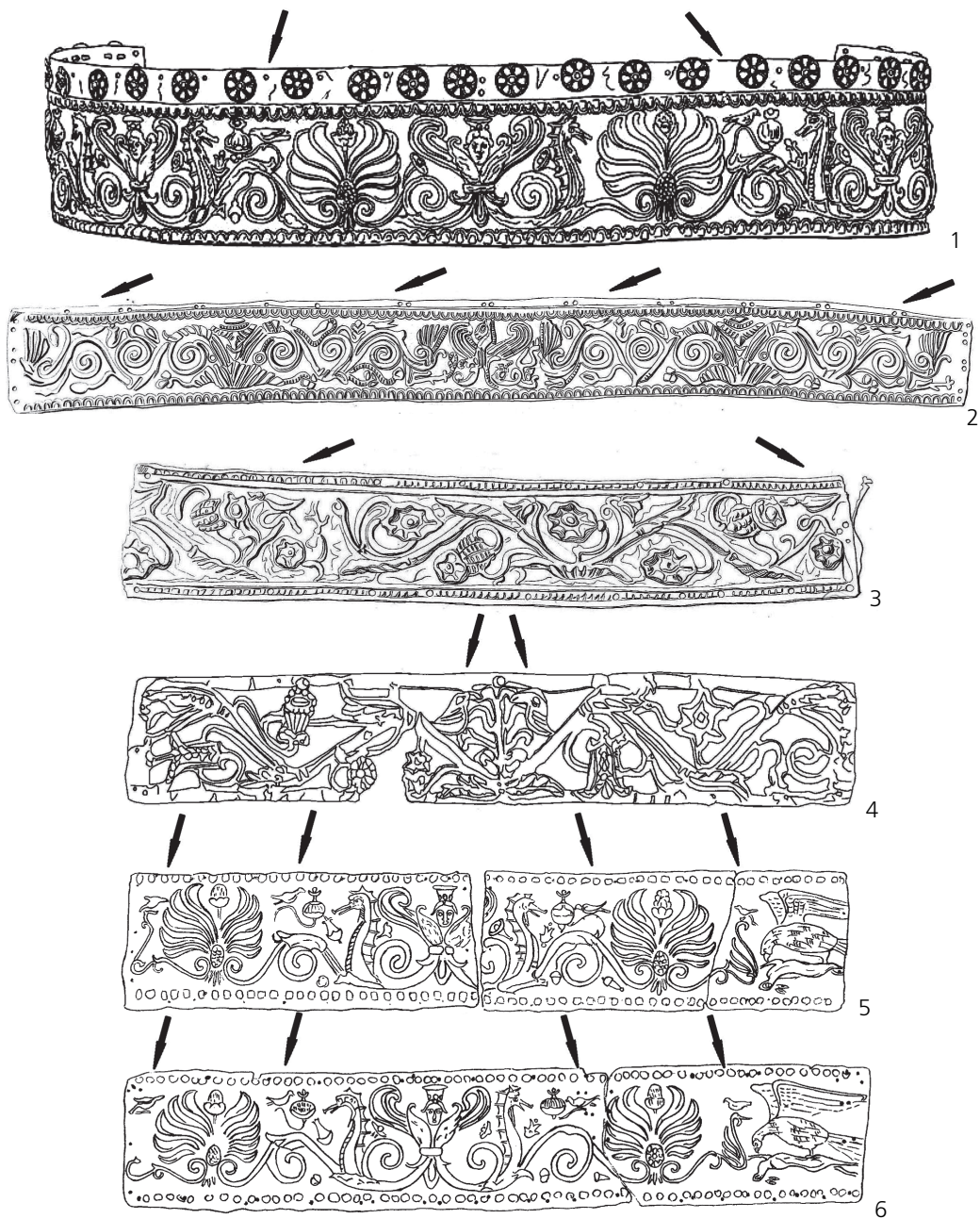

Рис. 4. Золотые пластины головных уборов:

1 – Куль-Оба [33, табл. II: 3]; 2–3 – Чертомлык [8, табл. XXXVI: 6, 7]; 4 – курган № 22 у совхоза Красный Перекоп [34, рис. 2: 7]; 5–6 – курган № 8 Песочинского могильника [16, рис. 16: 1, 2] (без соблюдения масштаба)

Fig. 4. Golden plates of headwear:

1 – Kul-Oba [33, tabl. II: 3]; 2–3 – Chertomlyk [8, tabl. XXXVI, 6, 7]; 4 – barrow № 22 near the farm Krasny Perekop [34, fig. 2: 7]; 5–6 – barrow № 8 of the Psochynsky sepulchre [16, fig. 16: 1, 2] (not to scale)

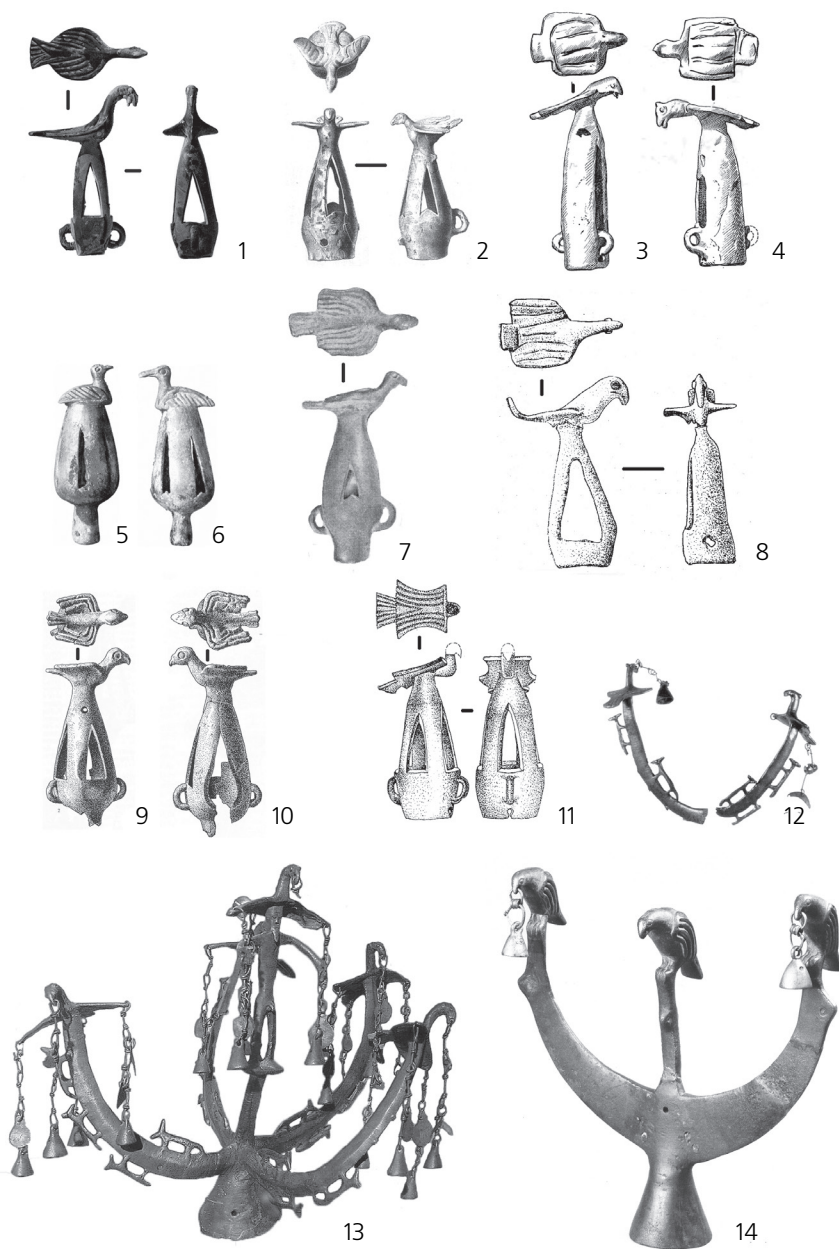

Рис. 5. Скифские бронзовые навершия:

1, 14 – Александропольский курган [42, табл. II: 6–8; 43, fig. 288]; 2 – Краснокутский курган [8, табл. XXIV: 3–5]; 3, 4 – Чертомлык [12, кат. 28]; 5, 6 – Малая Лепетиха [44, рис. 30]; 7 – Одесский археологический музей [41, рис. 4: 3]; 8 – Каменская Близница [39, рис. 6: 1]; 9, 10 – Гайманова Могила [38, рис. 384, 385]; 11 – Бабина Могила [40, рис. 47: 1]; 12 – Марьянское [45, рис. 6]; 13 – Лысая Гора [45, рис. 1] (без соблюдения масштаба)

Fig. 5. Scythian bronze pole-top:

1, 14 – Alexandropol barrow [42, tabl. II: 6–8; 43, fig. 288]; 2 – Krasnokutsky barrow [8, tabl. XXIV: 3–5]; 3, 4 – Chertomlyk [12, cat. 28]; 5, 6 – Malaja Lepetikha [44, fig. 30]; 7 – Odessa Archeological Museum [41, fig. 4: 3]; 8 – Kamenskaja Bliznitsa [39, fig. 6: 1]; 9, 10 – Gajmanova Mogila [38, fig. 384, 385]; 11 – Babina Mogila [40, fig. 47: 1]; 12 – Marjanskoje [45, fig. 6]; 13 – Lysaja Gora [45, fig. 1] (not to scale)

с максимально возможным соблюдением соразмерности, т. е., от более крупных персонажей по центру к более мелким на концах, заполняя при этом всю высоту соответствующего участка фриза и не выходя за его границы. В этом случае на концах оставались довольно протяженные участки с незаполненными узкими полями, которые диссонировали на фоне художественной композиции пекторали. Переместив со среднего фриза миниатюрные фигурки птиц и насекомых, идеально вписывающихся в самое узкое пространство верхнего и нижнего фризов, мастер легко разрешил данную проблему.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко Л. И.* До семантики центральної сцени пекторалі з Товстої Могили // *Древности*, 2013: Харьковский историко-археологический ежегодник. — X., 2013. — Вып. 12.
2. *Мозолевський Б. М.* Товста Могила. — К., 1979.
3. *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. — М., 1985.
4. *Михайлин В.* Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. — М., 2005.
5. *Полидович Ю. Б.* Пектораль — символ жизни и смерти // *Журнал о металле*. — 2006. — № 3–4 (9).
6. *Балонов Ф. Р.* Кузнечики в греческой ювелирной пластике Северного Причерноморья // *Ювелирное искусство и материальная культура*. — СПб., 2009.
7. *Boardman J.* The Diffusion of Classical Art in Antiquity. — Princeton, 1994.
8. *Древности Геродотовой Скифии*. — СПб., 1872. — Вып. II.
9. *Боровка Г. И.* Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана // *ИРАИМК*. — 1921. — Т. 1.
10. *Мирошина Т. В.* Скифские калафы // *СА*. — 1980. — № 1.
1. *Мирошина Т. В.* Некоторые типы скифских женских головных уборов IV—III вв. до н. э. // *СА*. — 1981. — № 4.
12. *Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. — К., 1991.
13. *Ліфантій О. В.* Два типи довгих пластин головних уборів скіфів із зображеннями комах // *Magisterium*. — 2015. — Вип. 60.
14. *Скрипник Т. А.* Головной убор скифянки из Елизаветовского курганного могильника // *Донская археология*. — 1999. — № 2.
15. *L'Or des Amazones*. — P., 2001.
16. *Бабенко Л. И.* Песочинский курганный могильник скифского времени. — X., 2005.
17. *Williams D., Ogden J.* Greek Gold: Jewelry of the Classical World. — N. Y., 1994.
18. *Leskov A. M.* Die Skythischen Kurgane // *Antike Welt*. — 1974. — Jg. 5.
19. *Мачинский Д. А.* Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // *Культура Востока: Древность и раннее средневековье*. — Л., 1978.
20. *Gebauer J.* Rankengedanken — zum Pektorale aus der Tolstaja Mogila // *Zur graeco-skythischen Kunst*. — Münster, 1997.
21. *Даниленко В. Н.* Исторические сюжеты некоторых шедевров эллино-скифской торевтики // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. — К., 1975.
22. *Раевский Д. С.* Из области скифской космологии (Опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы) // *ВДИ*. — 1978. — № 3.
23. *Гаврилюк Н. А., Грищенко В. Н., Яблоновская-Грищенко Е. Д.* Авифауна скифской торевтики // *Музейні читання*. — К., 1999.
24. *Гаврилюк Н. А., Грищенко В. Н., Яблоновская-Грищенко Е. Д.* Орнитофауна скифской торевтики // *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, рождение государства*. — СПб., 2001.
25. *Гаврилюк Н. А.* История экономики Степной Скифии VI—III вв. до н. э. — К., 1999.
26. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. — Прага; Л., 1966.

27. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. // САИ. — 1970. — Вып. Д1—27.
28. *Неверов О. Я.* Античные перстни (VI в. до н. э. — IV в.). Каталог временной выставки. — Л., 1978.
29. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // САИ. — 1978. — Вып. Д4—5.
30. *Алексеев А. Ю.* Золото скифских царей из собрания Эрмитажа. — СПб., 2012.
31. *Кузьмина Е. Е.* О семантике изображений на чертомлыцкой вазе // СА. — 1976. — № 3.
32. *Цуциев А. А.* Пара птиц на Древе жизни. — Владикавказ, 2015.
33. *Древности Босфора Киммерийского.* — СПб., 1854.
34. *Ліфантій О. В.* Зображення птахів на довгих пластинах головних уборів // Археологія та давня історія України. — 2015. — Вип.2 (15).
35. *Бабенко Л. И.* О семантике композиции пекторали из Толстой Могилы // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. — СПб., 2013.
36. *Переводчикова Е. В., Раевский Д. С.* Еще раз о назначении скифских наверший // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. — М., 1981.
37. *Болтрик Ю. В.* Про призначення скіфських бронзових навершь IV ст. до Р. Хр. // Музейні читання. — К., 1998.
38. *Бидзиля В. И., Полин С. В.* Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012.
39. *Андросов А. В., Мухомад С. Е.* Скифский аристократический курган «Каменная Близница» // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. — Днепропетровск, 1987.
40. *Мозолевский Б. Н., Полин С. В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). — К., 2005.
41. *Островецких А. С., Охотников С. Б.* О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. — 1989. — № 2.
42. *Древности Геродотовой Скифии.* — СПб., 1866. — Вып. I.
43. *Piotrowsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. — Leningrad, 1986.
44. *Лесков О. М.* Скарби курганів Херсонщини. — К., 1974.
45. *Вахтина М. Ю., Скорый С. А., Ромашко В. А.* О месте находки скифского навершия с изображением Папая (Национальный музей истории Украины) // Записки ИИМК РАН. — СПб., 2010. — № 5.

Резюме

Бабенко Л. И. Периферійні персонажі пекторалі з Товстої Могили

Серед численних образів пекторалі з Товстої Могили найменшу увагу дослідників привертала персонажі периферійних ділянок композиції — дві пари коників на кінцях нижнього фриза пекторалі, а також фігурки двох пташок, водоплавної та «хижої», які закінчують композицію верхнього фризу. При цьому поза межами уваги дослідників опинилася одна категорія прикрас, що дозволяє уточнити функції цих периферійних персонажів. Йдеться про золоті пластини парадних головних уборів, серед рослинних композицій яких наявні зображення коників і пташок. Таке поєднання дозволяє припустити подібний зв'язок периферійних персонажів із рослинним фризом пекторалі. А, відповідно, і їх основну функцію в композиції — у якості медіаторів, що забезпечували зв'язок між верхнім та нижнім фризами.

Ключові слова: скіфи, Товста Могила, пектораль, коники, птахи.

Резюме

Бабенко Л. И. Периферийные персонажи пекторали из Толстой Могилы

Среди многочисленных образов пекторали из Толстой Могилы наименьшее внимание исследователей привлекали персонажи периферийных участков композиции — две пары конических на концах нижнего фриза пекторали, а также фигурки двух

птичек, водоплавающей и «хищной», заканчивающих композицию верхнего фриза. При этом за пределами внимания исследователей оказалась одна категория украшений, позволяющая уточнить функции этих периферийных персонажей. Речь идет о золотых пластинах парадных головных уборов, среди растительных композиций которых есть изображения кузнечиков и птичек. Подобное сочетание позволяет предположить такую же связь периферийных персонажей и с растительным фризом пекторали. А, соответственно, и их основную функцию в композиции — в качестве медиаторов, обеспечивающих связь между верхним и нижним фризами.

Ключевые слова: скифы, Толстая Могила, пектораль, кузнечики, птицы.

Summary

Babenko L. I. Peripheral Characters of the Pectoral from Tolstaya Mogila

Among the numerous images of the pectoral from Tolstaya Mogila the minimum researchers' attention was drawn to the characters of the composition peripheral parts, which are two pairs of grasshoppers at the ends of the lower pectoral's border, and also the figures of two birds — the one of which is natatorial and the other is raptorial, that are closing the upper border composition. Therewith beyond the researchers' attention one category of adornment was left, which allows precise the functions of these peripheral characters. This means golden plates of parade headwear, among floral compositions of which we can find images of grasshoppers and birds. The similar combination allows suggest the same connection of the peripheral characters with the pectoral floral borer. And in accordance with this, their basic function in the composition can be suggested as well — they act as mediators providing connection between upper and lower borders.

Key words: Scythians, Tolstaya Mogila, pectoral, grasshopper, birds.

